

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Научная статья

УДК/UDC 726:271.2:316.7(470)

DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-102-125

Отображение нравственно-исторических категорий народного мышления в архитектуре православных соборов России**Николай Александрович Петров-Спиридонов¹**

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

nicnord@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния религиозных и общественных категорий традиционного сознания русского общества на архитектуру православных соборов. Рассмотрены в основном ранние периоды русского церковного зодчества. Также проанализированы некоторые явления современности в данной области. Основной вывод работы заключается в том, что нравственные и религиозные категории имеют существенно большее влияние на развитие архитектуры соборов, чем фольклорно-этнографические составляющие и кратковременные явления архитектурной моды.

Ключевые слова: архитектура православных соборов России, народное мышление, история русского церковного зодчества, проектирование храмов, парадигмы архитектурного проектирования

Для цитирования: Петров-Спиридонов Н.А. Отображение нравственно-исторических категорий народного мышления в архитектуре православных соборов России //

Architecture and Modern Information Technologies. 2024. №3(68). С. 102-125.

URL: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/07_petrov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-102-125

ARCHITECTURAL HISTORY AND CRITICISM

Original article

The reflection of the moral and historical categories of national mind in the architecture of Orthodox cathedrals in Russia**Nickolai A. Petrov-Spiridonov¹**

Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

nicnord@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of religious and social categories of the traditional consciousness of Russian society on the architecture of Orthodox cathedrals. The early periods of Russian church architecture are mainly considered. Some modern phenomena in this field are also discussed. The main conclusion of the work is that moral and religious categories have a significantly greater influence on the development of cathedral architecture than folklore and ethnographic components and short-term phenomena of architectural fashion.

Keywords: architecture of Russian Orthodox cathedrals, national mind, history of Russian church architecture, temple design, architectural design paradigms

For citation: Petrov-Spiridonov N.A. The reflection of the moral and historical categories of national mind in the architecture of Orthodox cathedrals in Russia. Architecture and Modern Information Technologies, 2024, no. 3(68), pp. 102-125.

Available at: https://marhi.ru/AMIT/2024/3kvart24/PDF/07_petrov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-102-125

¹ © Петров-Спиридонов Н.А., 2024

Предисловие

«Вся красота мира может быть собрана в одной капле росы, трепетно сияющей в лучах рассвета» – эта мысль известна всем, и она так очевидна, что авторов подобных мыслей по именам мы не знаем, настолько они рождаются сами собой. Маленькая полярная фиалка на соловецком берегу, у кипящего жемчугом и глубоким сапфиром теней Белого моря, или несколько осенних листьев на ветке порой собирают всю «душу» бытия человека в одно абсолютно ясное, пронзительное чувство. Почему так? Ведь такие состояния и настроения не попадают в разряд «сентиментальности» или нарочитой поэтической лирики. Они есть в реальности, точнее, бывают, когда малая искорка присутствия Божия на земле вдруг уводит человека ввысь, соединяя и землю под ногами, и горнюю святыню в единое целое.

В какой мере – и благодаря чему – соборы и храмы становились для многих людей таким же глубоким переживанием, как «собранная в капле росы красота всего мира»? На первый взгляд задача кажется невероятной – найти «одно слово», которым выражалась бы идея храмоздательства – соборов, храмов больших и малых.

Говоря о «народной мысли», что мы подразумеваем? Естественно, не лубочную народность в таком роде, как выступление хора Пятницкого на официальных частях концертов в советское время. И, тем более, не те представления о народном и народности, которые культивировались в среде «самопровозглашенной» интеллигенции не только XX, но еще и XIX века.

В России с течением времени только растет ценность работ таких ученых, как М.П. Погодин. Знатоков подобного уровня действительно сложно найти, и даже несмотря на обширные научные работы советского периода труды ученых круга Погодина для нас важны, т.к. сама научная мысль того времени не была раздроблена на частности по идеологическим причинам (не говоря уже об официальном атеизме XX в.). И, естественно, само состояние России было более цельным и возвышенным, «еще царским».

Цитата М.П. Погодина: «Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ западной Европѣ, но только подъ другою формою; ... И у насъ было введено христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонились предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, {Полное закрѣпленіе крестьянъ принадлежитъ уже къ новому времени.} не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства; зато было значительное самоуправленіе, патріархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка! однимъ словомъ, въ среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался западъ уже въ новомъ, не успѣлъ еще въ новѣйшемъ, и едва ли можетъ успѣть въ будущемъ»².

Краткая выжимка из необъятного материала М.П. Погодина дает основу представления о «народной» мысли. Это – *цельное* мировоззрение, основанное на вечном и неизменном смысле религиозных категорий. Исторические факты – доказательство этого положения, и общеизвестно, что негативные явления, везде существовавшие, в России не перевешивали благодатное, осмысленное устройство жизни.

В работе не рассматривается «народное» в смысле бесчисленных частных характеристик этнографического характера. Во-первых, этнографических фактов и данных всех видов – и предметов материальной культуры, и обычаев, и текстов, и музыки во всех регионах и

² Погодин М.П. За русскую старину // Журнал «Московитянин». 1845. Ч. II. № 3. Отд. VII, "Смесь".

народах России столько, что их невозможно ни перечислить, ни обработать. Во-вторых, целью работы является сосредоточение на поисках идейных императивов, существенно влиявших на архитектуру соборов и храмов.

Просматривается антипод народной мысли (в зодчестве) – это *нарочитая и бессловесная, «немая»* примитивизация и даже «неандертализация» лучших образцов отечественного храмостроения, выдаваемая за *современное видение* церковной архитектуры. Эта примитивизация *бессловесна* и тем безыдейна – ибо «вначале было Слово», а «собранная в капле росы красота мира» – это и есть слово. Оно может быть текстовым, емким, как например слова Псалтири, может быть – графическим, музыкальным и т.д., но это всегда ясная и пронзительная *мысль*. Преподносить *отсутствие мысли* в качестве «современности» и «прогрессивности» – прием убогий, хотя действующий на определенном уровне неразвитого восприятия.

Народная мысль отображалась в облике соборов и храмов – и снова от них возвращалась обществу, посредством и общего впечатления, и отдельных свойств зодчества и церковного искусства. Тезис этот очевиден, но с точки зрения известных методик научного анализа – на наш взгляд недостаточно проработан, т.к. эта тема, по сути, безгранична.

Отчетливых линий развития в церковном зодчестве по сей день нет, но есть частичное смешение исторических категорий и представлений в современности [1]. Поэтому поиск имеет смысл, с тем чтобы известная «революционная» фраза – *страшно далеки они от народа* – не стала в будущем определением архитектуры некоторых новых произведений.

Что такое «народная мысль» в контексте работы – мера духовного труда или историко-этнографический театр?

Основа народной мысли, существовавшая в давние века, во многом неизвестна современному обществу, либо известна в каких-то скрытых категориях. Например, «Кормчая Книга» – свод духовных установлений и правил – книга, требующая огромного труда для осознания и усвоения. Она содержит в себе постановления Вселенских соборов Православной Церкви и некоторых Поместных соборов – т.е., по сути, отражает весь круг церковной жизни на Руси и во многом уклад общественной жизни³.

Сразу возникает вопрос – будет ли разница в процессе проектирования собора или храма архитектором, если он знает смысл «Кормчей Книги» либо не знает ее в принципе? Разница будет, уже в том, что степень концентрации умственных усилий в первом случае будет неизмеримо выше, поскольку зодчий понимает, что он обязан отобразить (ассоциативно, но узнаваемо) – все содержание. Ибо содержание таких (и подобных) книг отвечает на вопрос: *для чего храм?*

Дуализм «этнографического» и духовного был основной проблемой развития церковного зодчества последних десятилетий Российской Империи. Поскольку культура в значительной мере к этому времени стала светской, оказалось сложным «войти в ту же реку» церковной архитектуры, несмотря на возникновение мощных течений и историзма, и неорусского направления.

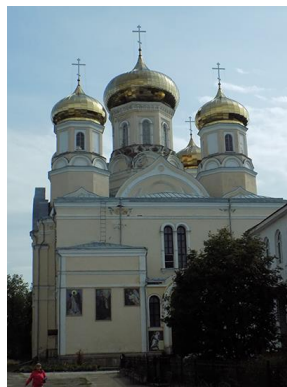
Ожившие ощущения старой России в работах мастеров второй половины XIX – начала XX веков вероятнее всего были попытками выразить духовные категории через некую призму романтического историзма и идеи неорусского направления. Вариантов было много – от воспроизведения архитектуры Тона уже в XX веке, до неоклассицизма 1910-х годов, который скорее воспринимался тогда уже как нечто «русское историческое» в том числе, хотя, может быть, не в такой степени, как историзм «открытый» (рис. 1).

³ Кормчая книга [рукопись]. – [Б. м.], третья четв. XVI в. – 498 [по нумерации 506 лл., нумерация начинается с № 8; 1 л. чист.] л.; 1° (29,4 x 19,0) см.

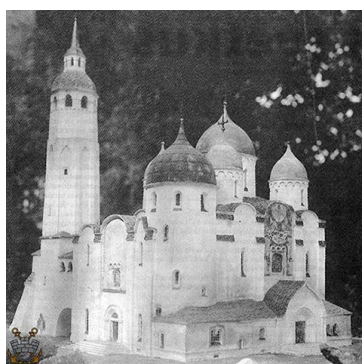
И, разумеется, попытки обращения к древности напрямую, как в проекте Троицкого собора Почаевской лавры А.В. Щусева были многочисленны. Сама масштабность обращения к темам старинного русского зодчества в конце XIX – начале XX веков говорит о том, что это была далеко не «мода». Поскольку старинное зодчество воспринималось как народное явление в самом серьезном смысле слова – то и обращение мастеров как архитектуры, так и живописи к «старине» можно рассматривать как весьма многослойное явление.

а)

б)

в)

г)

Рис. 1. Замыслы отображения «старой» Руси и России в архитектуре соборов конца XIX – начала XX веков – в понимании под «старинной» прошлого от одного века до семи-восьми: а) Троицкий собор Почаевской Лавры, арх. А.В. Щусев, 1906-1912 гг.; б) собор в честь Андрониковой иконы Божией Матери, Казанский монастырь, Вышний Волочёк, арх. Н.П. Марков, 1897-1901 гг.; в) Лиепая, Св. Александра Невского собор, арх. С.С. Кричинский, 1911-1913 гг. (макет; собор не достроен, разрушен); г) Троицкий собор, г. Сумы, арх. К.Г. Шольц, 1901-1915 гг.

Наверное, разгадать соотношение начала «этнографического», или театрально-визуального, и собственно духовного в начале XX в. нам не дано – слишком мало прямых свидетельств и записей. Показательна на наш взгляд история создания княгиней М.К. Тенишевой архитектуры храма во Флёново⁴ [4].

Старинные храмы отличаются. Чем? Кроме планиметрии и общей объемно-пространственной композиции? Отличаются именно концентрацией и напряжением мысли. Визуально это выражается в простоте и чистоте линий, но эти две характеристики еще не создают «голос» произведения. Простота и чистота – это своего рода техника, но

⁴ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни: воспоминания. Москва: Терра: Книжный клуб Книговек, 2020. 313, [1] с.; 21 см. ISBN 978-5-4224-1608-0

наполнение важнее «техники». Наполнение – это мысль, мысль и сугубо духовная и религиозно-общественная – т.е. более «народная», практическая, «жизненная» – некий *прожитый народом отрезок времени, осмысленный в духовных категориях.*

Где «прожитый народом отрезок времени» в архитектуре современных соборов, и каков он должен быть минимально?

Как известно, духовная жизнь человека как таковая (в полном церковном понимании) не существует в абстрактно-схоластических, сектантских видах. Предметное, материальное содержание не первично, но оно присутствует, будучи связанным в целое и гармонизированным – историческим ли переживанием, чувством Родины, любовью к ближнему и к своей земле. Поэтому для мировосприятия верующего человека естественными являются такие ожидания, как встреча с чем-то родным, пусть далеким по времени и географии, но близким по духу. Человек хочет увидеть, ощутить святыню собора, храма, и одновременно с этим ждет «повествования» – о давних ли временах соловецких подвижников, или о Киевской Светлой Руси, или о ярком и драматичном времени Государя Иоанна Васильевича, либо – о России дореволюционной, но еще благополучной – и т.д.

«Стилизация» под определенный архитектурный период, стиль еще вовсе не означает, что гарантированно появятся ощущения какого-то «отрезка времени» из прошлого, и что архитектура будет рождать чувство святыни. Скорее наоборот, путь «стилизации» коварен и обманчив, потому что он стимулирует к организации только «материи», из которой сделано само здание храма. Проектирование по принципу «нейросети», т.е. по аналогу с компьютерным алгоритмом, когда вместо смысловой работы производится механический перебор аналогов с подгонкой наиболее подходящих по каким-то критериям рядов – это путь тупиковый⁵.

Казалось бы, «стилизация» – достаточно устойчивое явление народного творчества, и не только в русской культуре. Традиционность, иной раз доходящая до механической повторяемости, свойственна многим развитым, древним культурам – достаточно примера Китая. И, тем не менее, в отношении церковного зодчества можно сказать, что стилизация не есть «народная мысль».

Автором ранее рассматривалась такая категория церковных искусств в целом (и зодчества), как *эпистема* (греч. – наука, познание) [2].

«Стилизация» исключает *эпистему* – т.е. познание сердцем, развитие духовного знания от одной ступеньки до другой, пусть малой. А отрезок прожитого времени – ближнего или дальнего, т.е. переживание – оказывается правдой. Сердце человека откликается на эту правду, а стилизация только при очень высокой степени совершенства – только при рождении принципиально нового произведения способна воздействовать так же.

Архитектура соборов и храмов не может быть «инертной» по отношению к событиям нашей истории и древней, и недавней. Тем более – что в строительство храмов вкладываются именно народные средства – не суть важно, от чьего имени – персонально либо от организаций, это все – пожертвования народа.

Вопросы внутренней, духовной жизни произведения архитектуры в условиях по существу конвейерного современного проектирования рассмотрены С.В. Борисовым [3]. Важно следующее: система ограничений, рассмотренная С.В. Борисовым, подразумевает и систему ограничений нравственного порядка, и принятую в практике проектирования

⁵ Заметим, еще в XIX веке появились приемы, аналогичные «нейросети», только они выполнялись руками – когда бесчисленное множество декоративных в основном элементов бесконечно перелицовывалось и на гражданских зданиях, и на соборах до какой-то «нужной» степени подгонки. Это известно под общим именем «эклетики».

систему нормативных ограничений, но все это не является житнетворным наполнением объекта. Присутствие непрерывно обновляющегося пространства, чувство сопричастности Божией благодати – это принадлежность народно-религиозной мысли, но не системы нормативов и даже не «системы поведенческих ограничений».

Корректный вопрос на наш взгляд может звучать так – куда и *мимо чего* иной раз спешат проектировщики, либо мотивирующие их заказчики? Если они спешат куда-то мимо народной мысли (она как мы говорили «двусоставна» в любом случае – это и потребность в ассоциациях с родными событиями, с историей, и мысль о святине храма как о возношении к Горнему) – то эта поспешность лишена смысла.

Великий знаток отечественной культуры – композитор Георгий Свиридов сказал: «*Русский дурак* – отдал Алмазную гору веры и красоты за консервную банку цивилизации (причем – пустую!) (1978 г.)»⁶. Здесь речь идет не о разборе течений культуры с помощью его дневников, а только о формулировке – «Алмазная гора веры и красоты». Где она в современном зодчестве соборов и храмов? Мы не утверждаем, что надо огульно говорить о ее будто бы отсутствии. Но зодчество не может обретаться на полпути между «русским дураком» и преподобными Зосимой и Савватием с их Соловками, архитектурными в том числе⁷.

Как заметил Свиридов, идеология кардинальных преобразований была ориентирована на «цивилизацию» – разумеется *западную, которой нет равных близко (???)*. В этом случае фантом ума нашпигован любым «прогрессом», но – бесхребетен и слеп в отношении веры и того, что мы называем *народной мыслью*. Это не отвлеченный комментарий – автору приходится часто слышать высказывания о том, что «современное»-де церковное зодчество в России должно быть переориентировано на «прогресс».

Некоторые примеры развития архитектуры соборов в современности

Если сравнить архитектуру прежнего и нового кафедральных соборов Оренбурга, что можно увидеть? Неовизантийский прототип, образцов коего было много во всей Империи, уместен более всего в застройке Петербурга, откуда он, по сути, и получил развитие в XIX веке. И там в результате серьезного переживания, внутреннего труда появились шедевры – в частности, В.А. Косякова. В губернских и уездных городах это было уже более «типовое» проектирование. Возможно, поэтому исходный дореволюционный собор не стали воспроизводить в Оренбурге (рис. 2). В «Энциклопедии» Г.В. Барановского мы видим и старый собор, и аналог вновь возведенного⁸.

Вполне объяснимая мотивация современной замены – неовизантийское направление слишком недолго присутствовало в городах Империи – и оно было не очень привычным. Тем более – просторы степи, южнорусский колорит, и при этом характерные «евразийские» черты территории – все это в известном роде просит более тонкой архитектуры, чем столичный «стандартизованный» тип неовизантийского стиля. Новый собор (также, по сути, представленный в «Энциклопедии» Г.В. Барановского) отчасти унаследовал объемно-пространственную композицию прежнего. Что характерно – в более «простом» виде, еще в стадии строительства, собор почему-то более живой, чем после задуманного насыщения декором (рис. 3 а, б). Сложно давать какие-либо итоговые оценки – почему именно в XIX веке для Оренбурга были созданы такие проекты и почему

⁶ URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/H/nash-sovremennik-zhurnal/zhurnal-nash-sovremennik-6-2003/2> (дата обращения 02.02.2024 г.).

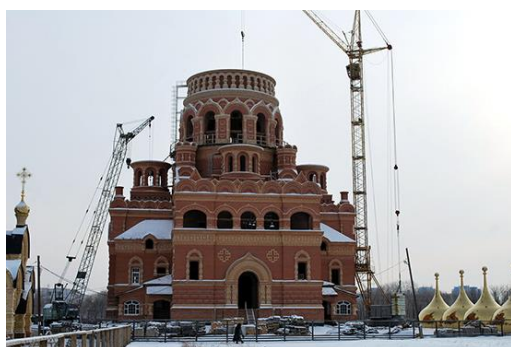
⁷ Тем более «реставрация» в духе «а ля западный прогресс» совершенно неприемлема, хотя таких фактов немало. И такая «реставрация» всегда весьма прогрессивна и современна в смысле применяемых технологий и материалов – она может, например обколотить цветным кровельным железом восстановленные деревянные элементы храмов – потоки (желоба), причелины, лемех и т.д., может заменить перекрытие по деревянным балкам на железобетон, окна на пластик и пр.

⁸ Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Том I. С.-Петербург. Типография журнала «Строитель». Фонтанка,66. 1902 г. с. 54-55.

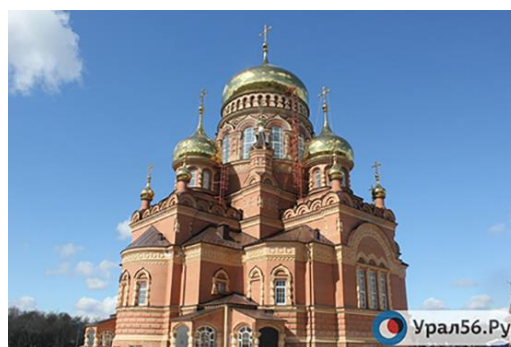
в современности произошла замена одного варианта на другой (или его аналог). Но сам факт замены говорит о попытках поиска и, возможно, «архитектурно-художественной» неустроенности образа – а найти искомое скорее всего возможно путем *отображения* нюансов народно-религиозной мысли в привязке к особенностям региона.

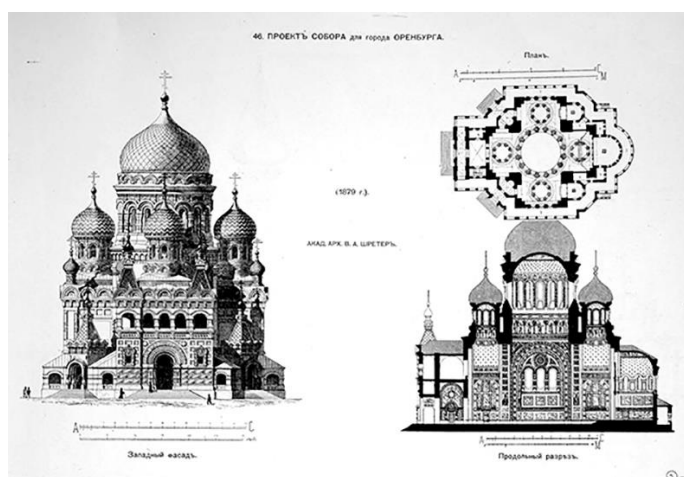
Рис. 2. Казанский собор в Оренбурге до революции, 1888-1894 гг., разрушен в 1931-32 гг.

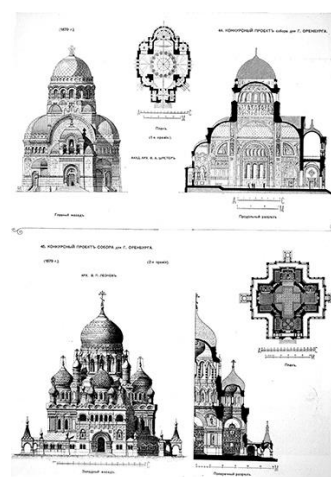
а)

б)

в)

г)

Рис. 3. Новый Казанский собор в Оренбурге: а) в процессе строительства; б) итог строительства, 2005-2016 гг.; в,г) проекты собора для г. Оренбурга из «Энциклопедии» Г.В. Барановского, арх. В.А. Шретер, В.П. Леонов

Автором ранее наряду с этим примером кратко рассматривалась и архитектура вновь построенного кафедрального собора Ульяновска (Симбирска) (рис. 4).

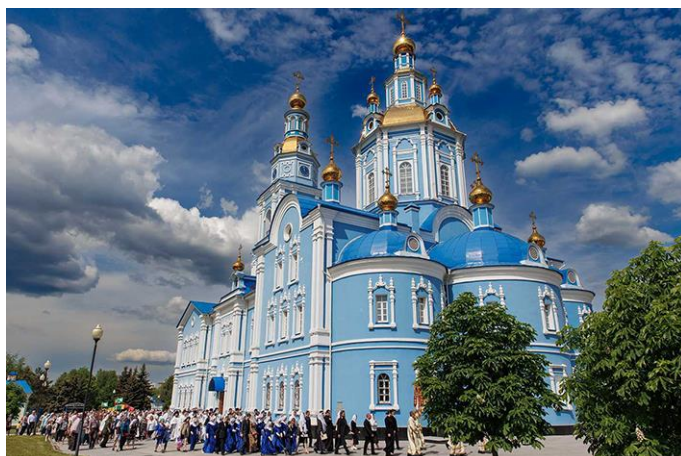
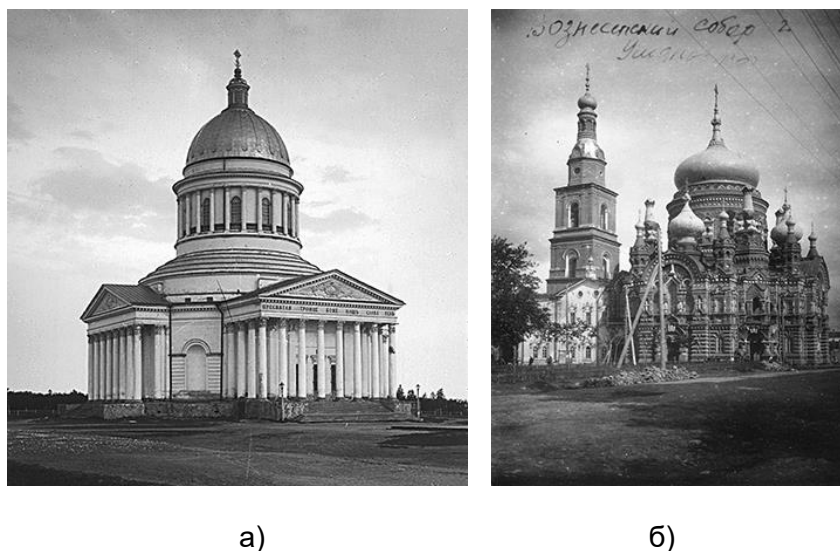

Рис. 4. Новый собор Вознесения Господня, в Ульяновске (Симбирске), освящен в 2015 г.

Он также возведен в существенном отличии от прежде существовавшего облика соборов города (рис. 5).

а)

б)

Рис. 5. Утраченные соборы Симбирска: а) Свято-Троицкий – до 1844 г. собор Св. Александра Невского, построен в 1827-1841 гг.; б) Вознесенский собор, построен в 1900-1904 гг.

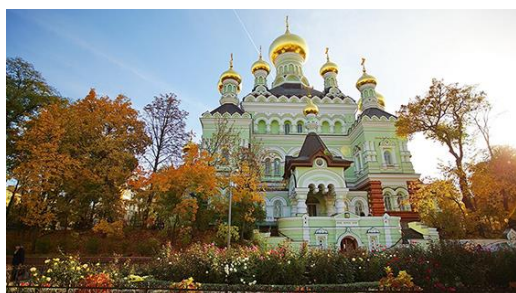
Прожитый «отрезок времени» может быть и реалистичным, близким, и отчасти принадлежать к народному преданию – что прослеживается по работам архитекторов неорусского направления и историзма. Стремления придать некую «былинность» облику храмов встречались у многих мастеров начала XX века – у В.А. Покровского, В.Н. Николаева, Е.И. Артёмова, и других (рис. 6). О том, какова здесь мера «внешнего», т.е. изобразительно-исторического, и какова была мера собственного духовного труда и духовного переживания, наверное, мы сказать не сможем.

В современных соборах, созданных в «активных» формах в духе *времени*, также сложно однозначно судить о соотношении подражательного и пережитого лично. Механистическое упрощение форм – циркульные арки в изобилии (геометрические, не «полетные», как на закомарах соборов Владимира и др.), упрощенная тектоника фасадов,

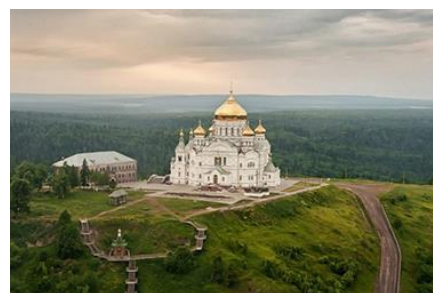
превращение прясел из «песнопения» в конструкцию, нарочитое обилие глав и прочее – это то же самое подражание, только не конкретизированное под отчетливо выраженные приемы. В частности, интересно сравнение Соловков и Салехарда, они расположены почти на одной широте, хотя климат Сибири безусловно намного суровее. Разница в подходах к строительству соборов объясняется конечно разницей эпох, но в чем она? Почему в XVI веке в Соловках не пошли по пути заимствований и «нейросети», а пошли по пути «алмазной горы»? О степени влияния «новгородского» и «московского» можно дискутировать бесконечно, а сам факт говорит за себя – зодчество времен Святителя Филиппа Колычева – это часть «алмазной горы». Собор в Салехарде – почти через пять веков – безусловно имеет свои архитектурные достоинства. Но элементы отчасти «набраны» из разных источников (рис. 7). Компоненты собора в Салехарде скорее соответствовали бы некоему многоплановому и «туристическому» городу на перепутье многих транспортных путей. Возможно, не привязанный к «месту», но строго-аскетический собор оказался бы много сильнее по архитектуре.

а)

б)

в)

Рис. 6. Произведения архитекторов В.А. Покровского: а) храм-памятник в честь Святителя Алексия в Лейпциге, 1912-1913 гг., В.Н. Николаева; б) собор Святителя Николая, Покровский монастырь, Киев, 1896-1911 гг.; в) Кунгур, Пермский край, Воздвижения Креста Господня собор, 1902-1917 гг.

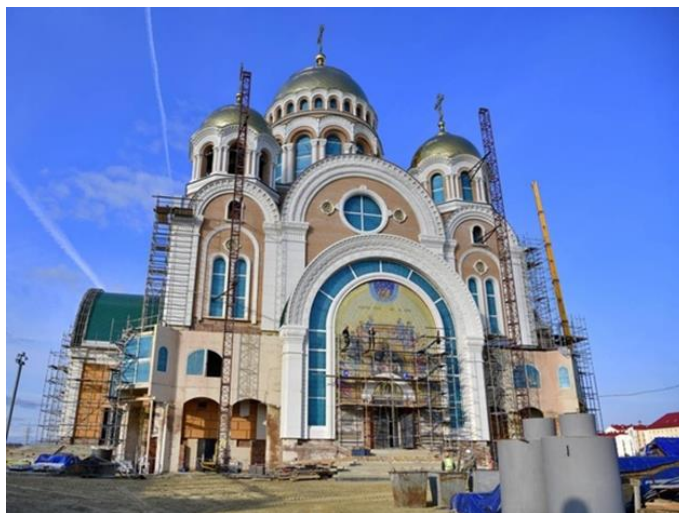

Рис. 7. Новый кафедральный собор Преображения Господня в Салехарде

Также, говоря о «прожитом народом отрезке времени» в архитектуре соборов, нельзя не упомянуть значение военно-мемориальных соборов и храмов, что стало отечественной традицией еще в Средневековье. Архитектура соборов и храмов, возведенных в память подвигов русской армии, а ныне и в память советских воинов, весьма многообразна, и при этом традиционна [4]. Не имея возможности детально разбирать особенности

архитектуры названных соборов, мы кратко констатируем, что в их образах сконцентрирована мысль совершенно глубокая, народно-религиозная в полном смысле слова. Сам идеал русского воина как воина-праведника лежит в основе народных традиций наравне с религиозными установлениями, что подтверждено канонизацией многих святых воинов уже в Русской Церкви⁹. От собора Покрова на Рву до Мамаева Кургана – таков огромный ряд военно-мемориальных соборов, весьма разных по архитектуре, но объединенных одними мотивами памяти и поклонения героям Отечества.

Архитектура соборов и «сиюминутная психология общества» как длительное и краткосрочное отображение религиозного сознания

Первое, что наиболее значимо для данной работы – это конкретные свидетельства «народной мысли». Они – не в музеях театров, в разделе костюмов к операм «Хованщина» и «Жизнь за царя». Это мысль, неразрывно связанная с духовной мыслью. Примеров много, из ближайшего к нам по времени – это дневники Святителя Феофана Затворника, это книга «Моя жизнь во Христе» святого Иоанна Кронштадского. Автором в некоторых частных аспектах ранее упоминалась работа священномученика Илариона (Троицкого) «Прогресс и преображение»¹⁰. В-первых, им дан анализ событий большого пласта времени на основе понятий веры, что само по себе уникально и ныне доступно малому числу авторов в любой области. Во-вторых, показан склад *народной мысли*, еще не порушенный поклонением западному материализму. Склад этот ясен и прост – основное положение «народной мысли» в том, что любой умственный, интеллектуальный труд должен вести в *землю праведную*, а не в механический прогресс. Ибо механический «прогресс», как определяет св. Иларион, нередко становится мотивацией войны ради наживы – при условии *отсутствия духовного начала*. «Экономическая выгода» развязывает руки для чего угодно – для рабовладения, эксплуатации чужих ресурсов и чужого населения и т.д., поскольку это «выгодно». Ценой уничтожения каких нравственных, культурных, эстетических, семейных, религиозных ценностей это остановится «выгодно» – экономика умалчивает. Поэтому нравственно безликий и бессодержательный прогресс априори не является мотивацией развития церковного зодчества.

В советское время о «народном» чаще говорили в фольклорно-этнографическом ключе. И тем не менее, автор полагает, что под отдельными текстами прослеживается и поиск того, что в данной работе именуется народно-религиозной мыслью.

Например, подробный разбор Н.И. Бруновым архитектуры собора Василия Блаженного содержит немало обращений к народной символике и даже «фантастике» [5]. В терминологии времени Н.И. Брунов упоминает о «народном» фантастическом одушевлении реального вещественного мира (другой формулировки допустить цензура не могла). Далее – о переносе подобных явлений в символы церковной архитектуры. Но в переводе на обычный язык – «фантастическое одушевление мира» – это просто признание Творца мира, что для верующего человека аксиома. Все сходится – «народное начало» – это признание Творца. А о частных ассоциациях, символах (не церковных, а

⁹ Общеизвестно, что в первые века христианства было канонизировано множество людей, которые были профессиональными военными (по современной терминологии), многие из которых прославлены в лике святых не за военные подвиги как таковые, а за исповедание Христа – но они при этом почитаются именно как воины. Этим подтверждается установление, которое давно стало народным на Руси – что воин – это не безвольный наемник, служащий в войске какого-либо правителя, а прежде всего праведник, не отступающий от веры. В наших рассуждениях это является одним из подтверждений того, что мысль «народная» и мысль глубоко духовная, церковная в нашей стране практически тождественны. Именно поэтому архитектура военно-мемориальных соборов и храмов несколько не «перенацелена» на другие ориентиры, по сравнению с архитектурой соборов городских и монастырских.

¹⁰ Иларион (Троицкий В.А.) Прогресс и преображение: Речь проф. Моск. духовной акад. архим. Илариона, сказ. в акад. аудитории 3 сент. 1914 г. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1914. 16 с.; 26 с.

фольклорных) – можно спорить бесконечно, т.к. мы не жили в XVI веке и не представляем круга условностей и «неписанных законов и понятий» того времени. Сама же народно-религиозная мысль как объективный факт вполне подтверждается текстами Н.И. Брунова, наряду со многими другими исследователями.

А.Б. Пермиловская говорит о том, что на Севере общение между заказчиками церквей и строителями-зодчими было словесным, без графических листов [6]. Если действительно архитектуру описывали и заказывали словом – то этого не могло бы быть, если бы не было единого смыслового поля, т.е. общей и понятной всем народно-религиозной мысли. В этом случае краткие слова действительно могли служить «кодами» архитектуры.

О работах Е.Н. Трубецкого в отношении семантики храмов сказано очень много, и нет смысла повторять это. Сами работы вполне подтверждают тезис о народно-религиозной мысли – собственно, на ней и построена вся аналитическая часть его широко известных работ. Он смог увидеть проблемы зодчества и иконописи не глазами отвлеченного исследователя, а глазами человека, вросшего в существо народно-религиозной мысли – т.е. сумел достичь того, чего так не хватает современному архитектурному мышлению в церковной области.

Есть ряд широко известных работ, которые мы не пересказываем здесь, лишь упоминая, что в них подробно и глубоко разобраны различные аспекты воздействия нравственных, духовных категорий на храмовую зодчество России – это работы А.С. Щенкова, Т.Н. Вятчаниной с соавторами и др. Также теме распознавания ментальных категорий зодчих посвящены работы архимандрита Александра (Федорова), И.А. Бондаренко, Л.Б. Сукиной [7,8,9,10]. Для нас прежде всего значим сам факт, что наличие и влияние народно-религиозной мысли в зодчестве нисколько не ставится под сомнение в данных работах; например, разбор отдельных категорий, таких как понятие «благочестие» – это уже целое направление.

Прошлое нам на самом деле не очень достоверно известно, можно говорить только о том, что вокруг главных соборов сосредотачивалась жизнь города – и церковная, и общественная, появлялись такие составляющие, как государственные и дипломатические церемонии. Одно из весьма негативных «достижений» советского времени состоит как раз в том, что серьезность происходящего и глубину мысли *народной* в этой сфере старались всячески ополнить и представить шутовством, причем это началось до 1917 года – достаточно взять «Соборян» Лескова – агрессия в отношении народной мысли и народных ценностей со стороны «двигателей прогресса» там показана ясно и однозначно.

Лесков, наряду со многими писателями и мыслителями, чувствовал тот дуализм, о котором мы говорили в начале статьи – это дуализм фольклорно-народного – показного, иной раз откровенно псевдонародного – и подлинно духовного. Духовное требует знания церковной основы и действий, желательно без самовосхваления и ханжества. А «фольклорно-народное», псевдонародное – никого ни к чему не обязывает. В архитектуре – такое же соотношение. Фольклорно-народное *фиктивное* никого ни к чему не обязывает и в итоге превращается в мишуру из фольги. При этом недопустимо обесценивать подлинно народное (имеется в виду не показное, а «жизненно-этнографическое» – бытовое, обрядовое) как таковое, которое никогда не было плоским и шутовским (рис. 8). На редких фотографиях из Архангельской губернии почти полутора столетней давности, например, мы видим весьма нешуточный природный вкус и умение работать с пространством и в архитектурно-строительном отношении, и в смысле бытового декора.

Фиктивным, клоунско-театральным «народное» становилось в представлении революционной интеллигенции XIX века и затем в советской (в плохом смысле) пропаганде. В целом – отсутствие народно-религиозной мысли в сердце и в уме ведет к «модернизму» – т.е. к фальшивизации духовных ценностей.

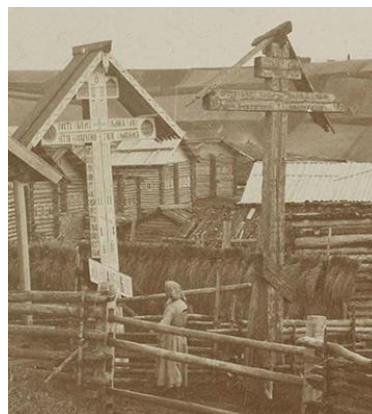
а)

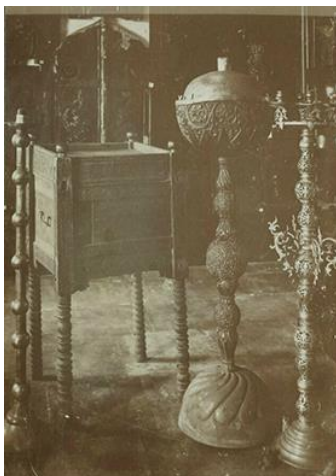
б)

в)

г)

д)

е)

Рис. 8. Фотографии из Архангельской губернии конца XIX – начала XX века:
а, б) фотографии¹¹ подлинных женских костюмов; в) дом; г) кресты с «голубцами»;
д) внутреннее убранство храма; е) сани

¹¹ Автор – сын деревенского священника Николай Авенирович Шабунин (1866-1907 гг.), уроженец Мезенского уезда Архангельской губернии.

«Модернизм» как достоинство *западного (якобы) прогресса* – что тут? «Сверхчеловек» Ницше на деле оборачивается подонками Гитлером и Геббельсом, а сам он закачивает свои дни, воя бесовским голосом в железной клетке – такова цена сознательной вражды на Бога. В отношении архитектуры – могут ли холодные, отталкивающие своей непричастностью к теплу Божией благодати формы знаменовать храм Божий? Сомнительно. Модернизм вполне может трактоваться как претензия некоего «сверхчеловека» на отталкивание религиозного сознания (и сознания как такового, и «сознания» архитектурного). Более того, можно даже предположить, что модернизм «вытекает» из псевдо-, липово- народного как якобы из «никчемных пережитков прошлого», а *вот это* (модернизм) – уже принципиально новое и достойное своего времени! Это сложный момент, который невозможно здесь анализировать, но вероятнее всего модернизм никак не происходит от глубоко духовной архитектуры и глубоко духовного миропонимания. Например, многие альбомы образцов гражданской и церковной архитектуры XIX века, на наш нынешний взгляд, слишком пестрят декором в «народном» вкусе, и если брать, например дерево – то это точно не зодчество Ополовникова. Тогда, видимо, это «избыточно-декоративное» больше воспринималось как народное, хотя подтвердить это письменными источниками вряд ли возможно. И на фоне нарочитой избыточности механических деталей модернизм будто бы более совершенен по формам.

Есть все же некая точка отсчета. Ее нельзя носить с собой в тексте или в электронной памяти – это то состояние «красоты всей Вселенной, собранной в одной капле росы», о котором мы говорили в самом начале статьи. Роса как вся природа бесконечна, только Бог ведает, почему и когда и в какой капле вдруг человеку откроется такая неземная красота. Соборы и храмы стоят неподвижно и неизменно – но отчего-то статичный камень вдруг иной раз становится каплей той самой «всеобъемлющей красоты». Может ли такой подъем души наступить при созерцании псевдонародного, почти бутафорского? Вряд ли. И уж тем более – безжизненный модернизм тут ни при чем.

Мгновения неземной, *явленной свыше* красоты непредсказуемы и обычно недолги, а они и становятся редкими свидетельства единения высшего порядка – единения человека и Горнего мира в пространстве собора, храма. Только чудом может оказаться в этот миг в руках камера и чудом она сможет зафиксировать в изображении такое событие. К счастью, такие вещи остаются в памяти. Автору доводилось встречать подобное – разумеется редко, и в числе таких впечатлений – недавнее посещение собора Кирилло-Белозерского монастыря в 2023 году. Впечатление не визуально-архитектурное, но неслучайное во всех отношениях: на службе пели трое певчих, и среди них был солирующий женский голос, равному которого автору слышать не доводилось, среди многих хоров и профессиональных коллективов академического уровня. Голос буквально обнимал все сущее на Земле своим наполнением и возносил к Небу – не просто тембром или качеством исполнения – профессиональным, внятным – но в нем было нечто много более значимое. Голос человека, которому открылось все величие Божиего мироздания. И ничего общего со «сценой», с неизбежными при таком «сценическом задании» завываниями – не важно, по системе Станиславского, по Голливуду или иной лишенной Божией благодати методологии – с эмоциями, экстазами, выходом из себя – не было, был спокойный ровный голос. Голос, своим подлинным звучанием и *словом церковного песнопения* открывающий неизмеримую красоту Божьего мира. Можно говорить, что в любом другом месте, вне собора, солистка спела бы так же – но поверить в это сложно. Именно молитва «о всех и за вся», весь мир, собранный *разумением, открывающимся во храме* – это и есть свидетельство живой народно-религиозной мысли, одно из многих.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что обстановка для развития церковного зодчества – и соборов, и приходских храмов не так проста и вовсе не «лубочна», как возможно представляется поверхностному взгляду.

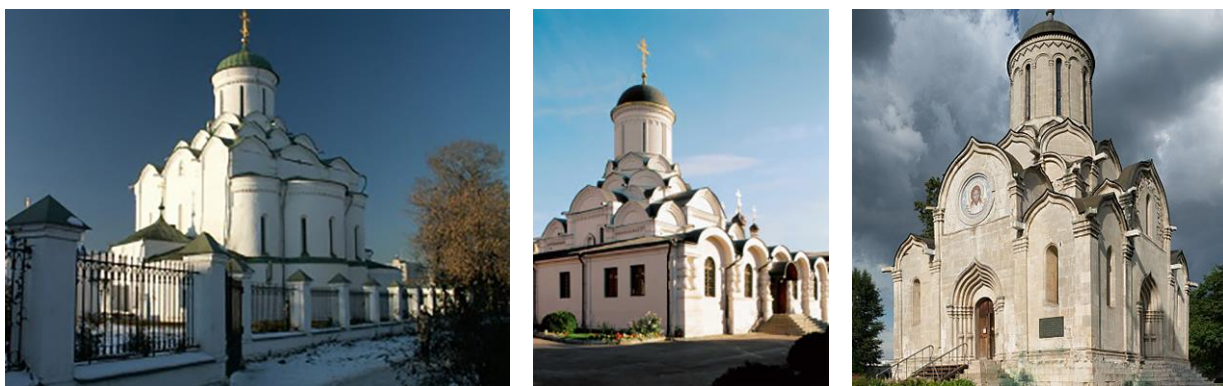
По этому поводу возможно составить ряд тезисов:

1. В результате развития явлений, обобщенно именуемых «стремлением к западному прогрессу», в начале 1990-х годов вес *народной мысли* в представлениях населения возрос весьма относительно, если и возрос, а где-то – и убавился, что не могло способствовать расцвету храмового зодчества.
2. Как следствие событий 1917-го года и как следствие хаоса начала 1990-х годов возникла иллюзия о возможности проектирования соборов и храмов по принципу «нейросети», т.е. путем неглубокомысленного перебора огромного числа локальных форм и декоративных приемов из исторического арсенала.
3. При всей важности архитектурно-композиционного и художественного совершенства произведения – собора, храма – основным является то, что мерой результата становится степень принадлежности к народно-религиозной мысли, т.е. мера выраженности самой сути собора, храма. Арсенал стилистики, арсенал форм, визуальное качество отдельных компонентов – это лишь «техника».
4. Расхожее «потребительское» суждение такого рода, что собор – это крупное помпезное здание религиозного назначения, своего рода театрально-эстетическое начало города или района – слишком слабое. Попытки «перетасовки» соборов из разных времен и разных стилей, невольные имевшие место в современном периоде возобновления храмостроения, это подтверждают. Основное, что считает человек при взгляде на собор – это не геометрия и декор, это мысль – народно-религиозная, потом – более детальная, историческая, и только затем эстетическая.
5. О методологии проектирования возможно составить несколько парадоксальное на первый взгляд умозаключение. При том, что церковное зодчество всегда опирается на прототипы, что неизбежно – желательно видимо минимально привязываться к конкретным приемам конкретных образцов – а обычно проектировщик старается максимально использовать «ресурс» первоисточника в смысле приемов. Но тем самым создается тяга в материальное и уход от народно-религиозной мысли. Это весьма непросто – уйти от конкретного прообраза, а рецептов и механических формул народной мысли нет, но изучая труды различных серьезных авторов, и в архитектурной области, и в исторической, и в религиозно-общественной – можно проникнуться ей. Вжиться в народно-религиозную мысль – важнее, чем выполнить объемно-графическую переработку архитектуры одного или нескольких соборов.

Примеры старины и происхождение «вкуса старины»

О старине в целом судить сложно. Даже историки, подобные М.П. Погодину – намного более близкие к старой России – не считали себя «всеведущими». Современному сознанию тем более не очень просто найти «связи» со стариной. То, что уничтожение старины было, и более того – было целенаправленное ее искажение в сознании – факт общеизвестный. Совершенно очевидно – что попытки обесценить старину, и саму народно-религиозную мысль – не новы. Нет необходимости перечислять факты – например, та же затея петь канон Святой Пасхи на мотив «барыни», якобы более «народный» – абсолютно показательна. И это было задолго до появления системных революционных течений. Поэтому – нет нужды смотреть на старину через призму профанации, как правило организуемой «во имя прогресса».

Умение «растворить» камень в небе, в воздухе – принадлежит старине. Ибо не методика графического и объемного пропорционирования, а народно-религиозная мысль «растворяет камень в воздухе». Графические (в том числе «метрические») приемы – вторичны. Декор – тем более. Образцов старины много, они прекрасно известны; если взять относительно узко – например, начало XVI века, хотя бы два собора – Успенский Княгинина монастыря во Владимире и Богородице – Рождественский Богородице-Рождественского монастыря в Москве – то мы видим, что «растворение» важнее деталей тектоники и деталей пропорций. Таков же Спасский собор Спасо-Прилуцкого монастыря в Вологде, того же времени, и другие более ранние и тонкие аналоги, как Спасский собор Андроникова монастыря (рис. 9). Сам «вкус старины» – это в действительности мера умения растворить объем здания и материал «в небе».

а)

б)

в)

Рис. 9. Архитектура «старины» как умение растворить объем и материал в небе: а) Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире, начало XVI в.; б) собор Рождества Богородицы Богородице-Рождественского монастыря в Москве, начало XVI в.; в) Спасский собор Андроникова монастыря в Москве, 1420-1425 гг.

О старине, об «устройстве» народно-религиозной мысли, нельзя говорить без обращения к иконописи. Глубина письма многих икон говорит сама за себя. Как пример – несколько икон из собрания Новгородского музея. Помимо качеств сугубо художественных, лики безусловно несут печать глубокомыслия во всех отношениях – и в смысле значимости изображаемого святого, и в смысле меры ответственности иконописца за смысл, изображаемого в целом. Из огромного собрания мы приводим лишь несколько фрагментов икон (рис. 10).

а)

б)

в)

г)

Рис. 10. Фрагменты икон (из собрания Новгородского музея): а) преподобный Сергий Радонежский; б) пророк Моисей; в) апостол Петр; г) пророк Иеремия

И, завершая обзор «старины», назовем еще одно важнейшее ее свойство – в архитектуре соборов и храмов. Даже в наше время, обладая ментальностью и привычками своего времени, мы ясно чувствуем, что попали в родной дом, когда приходим именно в такие старые соборы, как Богородице – Рождественский собор на Рождественке. Физических носителей «старины», кроме самих стен, уже давно нет как правило – но это родной дом. Почему? Это, опять же – результат воздействия народно-религиозной мысли, которая зарождается еще до конкретного процесса проектирования и возведения конкретного собора. Одна из весьма «современных» задач – сократить путь от духовной мысли,

духовного переживания до появления здания храма как такового, т.к. проектирование буквально «тонет» в многодельности выпуска документации. И, в итоге – нередко чувствуя старину, посещая с восторгом и Псков, и Новгород, и Смоленск, и другие древние города – мы оказываемся не в силах перенести «тот» настрой, тот дух на современность, отчего архитектура приобретает механистические черты.

О принципе «всеохвата» элементами объемно-пространственной композиции собора и храма

Выделить явные объемно-планировочные признаки, которые отражали бы в концентрированном виде «народную мысль» в зодчестве, безусловно непросто. И, тем не менее, помимо общеизвестных принципов построения объема собора, храма как здания с алтарем, сводом, нефом, куполами и другими традиционными частями на наш взгляд выделяется несколько достаточно ясных приемов выработки гармонических сочетаний. В какой-то мере они тоже могут быть названы «принципами».

Первый композиционный принцип – охват присутствующего в храме человека разливающимся каскадом форм, обычно сводов, не по одной оси «сверху вниз», а по многим осям. При этом «части» этого каскада, прежде всего своды, геометрически и семантически сфокусированы на человеке. Но, что сразу следует подчеркнуть, – и технологически, и в планировочном отношении создать «охват отовсюду» сложно, поэтому чаще, видимо, зодчие прибегали к символическому «охвату».

Буквальный «охват», т.е. вполне осязаемая «фокусировка» поверхностей на человеке, пребывающем в храме, выражена, например, в композиции собора Святой Софии в Константинополе.

Ранее в одной из публикаций автором рассматривался такой момент храмового зодчества, как «духовный антропоморфизм» – это и есть в том числе пластическая и семантическая «фокусировка» пространства храма на человеке, но человек «не один» пребывает в храме, он пребывает соборно с другими людьми и с Самим Богом. Поэтому «фокусировка объемов», и буквально-геометрическая, и ассоциативно-семантическая, всегда двояка.

Охват человека и одновременно ознаменованное присутствия Божия, по нашему мнению, в старинном зодчестве достигался в значительной мере «поворотом» каскада сводов как минимум по двум осям – по вертикальной, по центру главного купола, и на 90 градусов на восток – т.е. тот же каскад повторялся «от алтаря», знаменуя шествие Мира Горнего к человеку, желающему этого. Обобщенно это показано на рисунке 11.

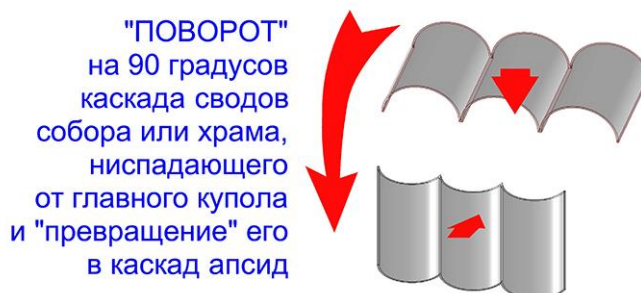

Рис. 11. Схема пространственного формирования семантики «фокусировки» объемов храма на человеке и Мира Горнем. Главный купол и своды «фокусируются» на Мира Горнем и на человеке одновременно, алтарь (алтари) – в большей степени на человеке, «каскад» апсид как бы идет к человеку

Принцип «всеохвата» по сути исключает подражательство. Это можно считать (на данной стадии обсуждения темы) критерием присутствия народно-религиозной мысли в церковной архитектуре – *подражание форме* вовсе не означает движения в душе, а именно движение души может способствовать созданию пространства «всеохвата». Подчеркнем, что это вполне доказывается методом от обратного – если бы механическое подражательство в архитектуре вело к пробуждению духовных чувств, мыслей – то можно было бы составить компьютерную программу по созданию «заведомо религиозных пространств» – но это очевидный абсурд.

О нескольких складах «народного мышления» в старинном зодчестве, из ряда хорошо известных

Говорить о том, что все варианты «народно-религиозной мысли» в архитектуре точно известны, на наш взгляд не стоит¹². Нисколько не претендуя на попытки «классифицировать» варианты народно-религиозной мысли – что, скорее всего, априори ненаучно, поскольку выходит за возможности «методов», мы лишь описываем в контексте статьи наиболее явные и хорошо известные различия архитектуры соборов.

Обращаясь к периоду Руси XI-XV веков, можно говорить о различии как минимум шести пластов зодчества – киевско-черниговского, западнорусского, псковского, владимиросуздальского, новгородского, и московского.

1. Так, ряд «киевско-черниговский» и «западнорусский» тяготеет как известно к византийским чертам и может быть в контексте статьи назван «этапом просвещения» или «становления». В самом характере народно-архитектурного мышления все же прослеживается в какой-то мере «ученичество», хотя зодчество вполне самостоятелно.

2. Псковский пласт, несмотря на географическую «западность», менее «западен», чем, например собор в Полоцке (облик подлинного собора в Полоцке условен, т.к. он не сохранился, но вероятнее всего отличие от Пскова существенное); это пласт отражает на наш взгляд способ мышления формами «мягкой пластичности» и осознанного отстранения от материалистичности. Пластика псковских форм при внимательном рассмотрении отлична от новгородской не менее, чем от смоленской или черниговской.

3. Владимиро-суздальский «пласт» имеет более выраженные ритмические и структурно-тектонические акценты; по сравнению с Псковом его архитектура более «ордерная».

4. Новгородский «пласт» более самостоятелен. Невозможно говорить о «новгородском модуле» или «ордере», но новгородские соборы и храмы при кажущейся простоте отличает ясно выраженная поэтичность, вовсе не являющаяся минимализмом. Соборы и храмы удивительным образом «отлиты» в окружающем воздухе, в небе – так, что других вариантов представить практически невозможно. Основа таких решений – строгая и при этом совершенно одушевленная объемно-пространственная композиция, в отличие от псковских вариантов менее «комбинаторная» и менее произвольная, менее «облачная».

5. Московский «пласт» более колоритный по обилию форм и в целом более «расцвеченный». В этом, как известно, отразился и народный дух в прямом смысле, и сложные явления взаимных заимствований разных культур и разных земель, от Италии до Золотой Орды. Кроме того, московское зодчество, как более позднее, впитало в себя предшествующие этапы отечественного зодчества в целом.

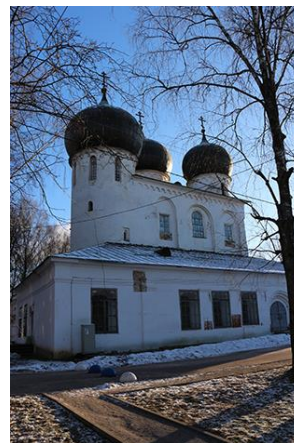
Самое существенное, на наш взгляд, состоит в том, что разгадка дивного по красоте равновесия и одновременно динамической устремленности форм – неповторимых в

¹² Тем более, что все не дошедшее до нас деревянное храмовое зодчество нам неизвестно, хотя можно косвенно судить о нем по конструктивным аналогам.

каждом городе и местности – кроется в воздействии «народно-религиозной мысли» на архитектуру соборов и храмов. В зодчестве поет «ведение о Боге», всенародная причастность к святым и пророкам – и это не литературный оборот. Когда мы видим многообразие зодчества, рассмотренное здесь на хрестоматийных примерах – то мы видим *единство мысли*, которое проникает сквозь визуальное разнообразие. Некоторые из общеизвестных иллюстраций к названному «единообразному разнообразию» представлены на рисунке 12.

а)

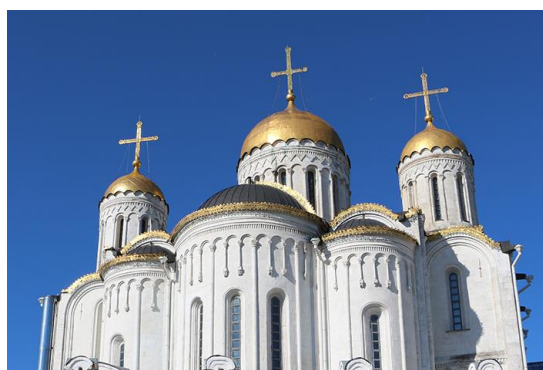
б)

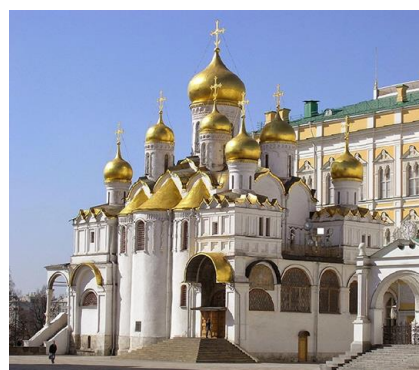
в)

г)

д)

е)

Рис. 12. Общий вид и фрагменты некоторых соборов. Подтверждение идеи единой направленности в различных вариантах формообразования и стиля: а) собор Рождества Иоанна Предтечи, XII в., Псков; б) собор Рождества Богородицы Антониева монастыря, 1117-1122 гг., Великий Новгород; в) Георгиевский собор Юрьева монастыря,

Великий Новгород, 1119-1130 гг.; г) Спасо-Преображенский собор, Чернигов, начало XI в. (изображение 1840 г. с перестройками Синодального периода); д) Успенский собор, Владимир, XII в., демонстрация активной ритмики деталей фасадов и окон; е) Благовещенский собор Московского Кремля, 1484-1489 гг.

Собор, храм – стоит «над» миром земным, при этом соединяя его с Горним Миром. Чувство «духовной родины» и родного дома, чувство России сливаются воедино. «Алмазная гора» Г.В. Свиридова – это и есть основное доказательство воздействия «народно-религиозной мысли», имеющей множественные привязки к именам и событиям Священного Писания, к Нагорной проповеди Иисуса Христа, ко всем понятиям и установлениям православного вероисповедания.

О содержании росписей и икон как первооснове зодчества сказано много. Роспись в любом случае строилась на некоем «балансе» содержания церковного учения и *меры народного понимания*. Смысл, некогда вложенный в росписи соборов, практически тождественен смыслу их архитектуры, причем в *народном понимании*. Как пример можно привести несколько сюжетов из росписей, Троицкого собора Ипатьевского монастыря Костромы XVII века (рис. 13). Все они повествуют о сложных и требующих глубокого церковного понимания событиях времен первых лет христианства, и ни о каком поверхностном и «лубочном» прочтении подобных сюжетов речи быть не могло.

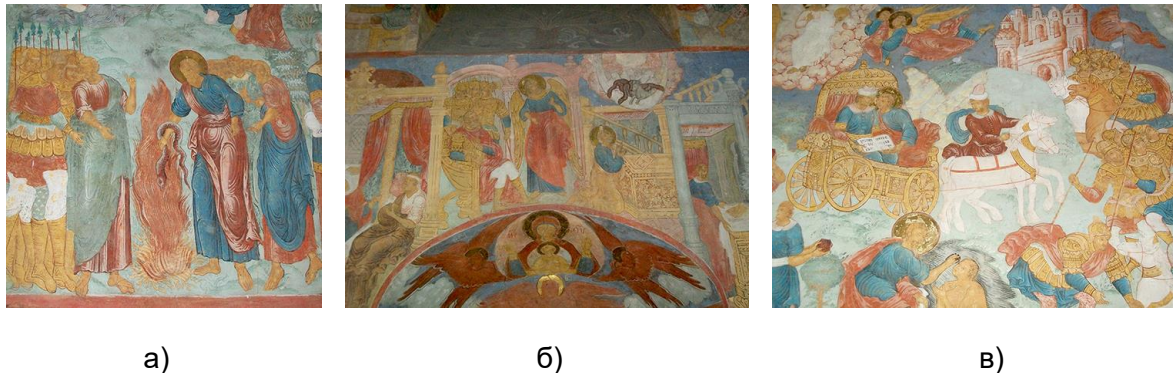

Рис. 13. Фрагменты росписей Троицкого собора Ипатьевского монастыря Костромы: а) Апостол Павел, стряхивающий ехидну в огонь;¹³ б) видение Апостолу Петру о чистых и нечистых животных¹⁴ – справа; (в арке снизу – икона Богородицы в окружении Ангельских чинов); сюжет по центру автору в данный момент неизвестен, т.к. титлов нет; в) крещение Апостолом Филиппом евнуха царицы Эфиопской Кандакии на дороге из Иерусалима в Газу¹⁵

¹³ Деяния святых апостолов. гл. 28. «3 Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его. 4 Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить. 5 Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. 6 Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог».

¹⁴ Деяния святых апостолов., гл. 10. «11 и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; 12 в нём находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. 13 И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. 14 Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. 15 Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. 16 Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо».

¹⁵ Деяния святых апостолов., гл. 8. «26 А Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. 27 Он встал и пошел. И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения, 28 возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию. 29 Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице».

О «народном», отторгнутом от народа

Завершая обзор темы, следует кратко сказать и о такой важнейшей стороне, как о словесном выражении народно-религиозной мысли. Точнее, о том, что для послереволюционной идеологии чуть ли не центральной задачей было создание фундаментально ложного представления о том, что будто бы «культура» и «народ» – антагонисты. Истинное положение дел как раз таково, что самым народным, самым глубоким и было слово как митрополита Филарета Дроздова (например), так и Тютчева. Достаточно привести одно широко известное стихотворение Тютчева «Над этой темною толпой»¹⁶ – но с одной оговоркой. Слово «непробужденного» народа – теперь, с трагическим опытом XX века, скорее надо читать как «усыпленного» – в духовном смысле, т.к. ко второй половине XIX века апостасия уже становилась массовым явлением. Стихотворение абсолютно точно говорит о том, что происходит и к Кому должен вернуться народ:

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..
Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, –
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...*

1857 г.

Если говорить о церковной архитектуре – то мы видим следующее: старинная архитектура, например Великого Новгорода, свидетельствует о том, что народ не нуждался ни в каком «пробуждении», ибо жил полноценной духовной жизнью. Новгородские храмы бесконечно живые, они соединяют человека и Горний Мир как тогда, так и сейчас – это и есть средоточие народно-религиозной мысли (в зодчестве). Поэтому «идеологическая диверсия» послереволюционного времени – существовавшая и ранее, в XIX веке как минимум – когда некие представители «культуры» (точнее, *не-имеющей-отношения-к-народу-«культуры»*), при этом нередко пытавшиеся «пальнуть пулей в Святую Русь» – художественно ли, архитектурно) идут и *обязаны* (кем и на каких основаниях?) просвещать некий «темный народ» – это совершенно очевидная химера. А кристаллизация разума народа – в нашем случае в архитектурном языке и в архитектурных формах соборов остается столь же значимой, как и много веков назад. Увидеть в формах собора, храма «кристалл сознания» – это профессиональная сверхзадача, но она многократно решалась ранее и нет оснований от нее отказываться сейчас.

Заключение

1. Народное мышление, его нравственно-исторические категории в архитектуре православных соборов России по сути являются основной мотивацией разработки объемно-пространственной композиции и конкретных образно-художественных решений – от Средневековья до наших дней.

¹⁶ Тютчев Ф. И. Стихотворения / Сост. Л. Н. Кузиной. Москва: Правда, 1986. С. 111-112.

2. Доля фольклорно-этнографической составляющей, видимо, в развитии архитектуры русских соборов невелика по сравнению с влиянием духовных категорий как таковых. Основой народно-религиозной мысли были и остаются духовные установления в их полной глубине.

3. Можно, на наш взгляд, говорить о том, что в такие сложные эпохи, как последние десятилетия Российской Империи и как современность, проявляется своего рода «дуализм» фольклорно-этнографического и собственно духовного в восприятии и проектировании соборов и храмов. Фольклорное и духовное в некоей мере перемешиваются в сознании. Отсюда вытекает необходимость более строгого и системного образования в области церковной архитектуры.

4. Идеи о вовлечении современного храмоздательства в русло якобы «прогресса» могут превратиться в антагонизм народно-религиозной мысли. Здесь под *прогрессом* подразумевается провозглашение вне-духовного, но только технического и финансового «прогресса» наивысшей ценностью человеческого бытия. Народно-религиозная мысль априори не может быть сосредоточена на вне-духовных процессах, а выражающая ее архитектура соборов и храмов – это в первую очередь свидетельство духовного труда.

5. Народно-религиозная мысль (в зодчестве) в известном роде состоит из двух частей – из переживания святыни, т.е. церковных категорий как таковых и из чувства «прожитого народом отрезка времени, осмысленного в духовных категориях». Если «отрезок прожитого народом времени» вполне осязаем – пусть это ассоциации с далекой древностью, или с недавними временами, – то произведение полностью состоялось. Если собор насыщен формами и формочками, но беден «чувством прожитого народом времени», или вовсе находится «вне времени» – то это, вероятно, недоработка, какой бы габаритной доминантой в застройке собор не смотрелся.

6. О методологии проектирования соборов можно сделать парадоксальный вывод – что буквальная привязанность проектировщика к прототипу (одному или нескольким) – скорее нежелательна. Это не означает пренебрежения к историческому материалу. Увлечение деталями, стилистикой поневоле уводит в материализм, а для успеха намного важнее вжиться в народно-религиозную мысль во всей ее глубине.

7. Можно говорить о нескольких устоявшихся вариантах архитектурного проявления народно-религиозной мысли, во всяком случае в периоде XI-XV веков. В целом эти варианты описаны в литературе как «школы» или культурно-исторические «пласты» – киевско-черниговский, западнорусский, владими́ро-суздальский, псковский, новгородский, московский и др. Все варианты имеют общую устремленность к духовным категориям, к понятиям святости, т.е. к «над-мирным» категориям – «Алмазной горе» по выражению композитора Г.В. Свиридова. При этом степень созвучия архитектуры соборов с местностью такова, что это было бы невозможным без сильного воздействия народно-религиозной мысли, единой и многоликой по способам гармонизации с пространством.

8. Главный итог «работы» народно-религиозной мысли в отношении соборов (также и приходских храмов) заключается в том, что собор – это родной дом, а только потом уже *формообразование* и очень существенно «потом» – декор. Механическое подражательство в церковном зодчестве несовместимо с народно-религиозной мыслью. Состояние «всеохвата», т.е. рождение в пространстве собора, храма духовных мыслей и переживаний, рождение чувства живого присутствия Горнего Мира вокруг человека невозможно симитировать. Соответственно профессиональная мысль архитектора оживает в полной мере, когда она встраивается в общее, *соборное в церковном понимании* течение народно-религиозной жизни.

Источники иллюстраций

Рис. 1. а) URL <https://av-otus.livejournal.com/22303.html>, фото А. Слёзкина (дата обращения 02.08.2024); б) Фото автора, 2015 г.; в) URL: <https://www.nashaliepaja.lv/libavskij-sobor-aleksandra-nevskogo-hram-pamyatnik-aleksandru-iii.html> (дата обращения: 02.08.2024). г) URL: <https://cont.ws/@handusenko/318888>, фото А. Хандусенко (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 2. URL: <https://orenhistory.ru/asklucharev> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 3. а) URL: <https://akwatoria.ru/kazanskiy/orenburg/> (дата обращения 02.08.2024);

б) URL: <https://www.ural56.ru/news/657966/> (дата обращения 02.08.2024);

в, г) Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Том I. Санкт-Петербург, 1902. С. 54-55.

Рис. 4. URL: <https://mitropolia-sibirsk.ru/2022/06/02/spaso-voznesevskij-kafedralnyj-sobor-sibirskaja-otmechaet-prestolnyj-prazdnik> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 5. а) URL:

<https://73online.ru/r/otec-velikih-hramov-sudba-sibirskogo-kafedralnogo-sobora-polna-veli-chiya-i-dramatizma-61787> (дата обращения 02.08.2024); б) URL:

<https://ulpressa.ru/2013/03/11/hramyi-ulyanovska-unikalnyie-foto-nachala-30-h-godov-xx-veka/> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 6. а) Швидковский Д.О. Русская церковная архитектура накануне революции. Москва, 2018. С. 275; б) URL:

<https://monasterium.ru/monastyri/monastery/svyato-pokrovskiy-zhenskiy-monastyr-kievskoy-eparkhii/> (дата обращения 02.08.2024); в) URL:

<https://monasterium.ru/monastyri/monastery/belogorskiy-svyato-nikolaevskiy-missionerskiy-muzhskoy-monastyr> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 7. URL: <https://www.mk-yamal.ru/culture/2022/04/15/v-stroyashhemsya-sobore-salekharda-vklyuchili-ogromnyy-uvlazhnitel-vozdukha.html>, фото – Салехардская епархия РПЦ (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 8. а-е) Довлатян А. Старые фото: Из альбома Н.А. Шабунина «Путешествие на север», 1906 г. URL: <https://yarodom.livejournal.com/392966.html> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 9. а) <https://azbyka.ru/palommnik/Успенский-Княгинин-женский-монастырь> (дата обращения 02.08.2024); б) URL: <https://mbrsm.ru/2016/05/14/sobor-rozhdestva-presvyatoj-bogorodicy/> (дата обращения 02.08.2024); в) URL:

<https://www.rublev-museum.ru/about/spaso-andronikov-monastery/spassky-cathedral/> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 10. а-г) Фото М.Г. Романовой.

Рис. 11. Рисунок автора.

Рис. 12. а) Фото автора, 2017 г.; б) Фото автора, 2017 г.; в) Фото автора, 2012 г.;

г) Blasius, J.H. Reise im Europäischen Russland in den Jahren 1840 und 1841. Braunschweig, 1844. P. 635; д) Фото автора, 2022 г.; е) URL: <https://icons.pstgu.ru/monumental/25> (дата обращения 02.08.2024).

Рис. 13. Фото автора, 2009 г.

Список источников

1. Петров-Спиридонов Н.А. Эволюция архитектурной типологии храмов Русской Православной Церкви в начале XX - начале XXI веков: автореферат дис. ... кандидата архитектуры: 2.1.11. Москва: МАРХИ, 2023. 28 с.
2. Петров-Спиридонов Н.А. Эволюция архитектурной типологии храмов Русской Православной Церкви в начале XX - начале XXI веков : в 2-х т.: диссертация ... кандидата архитектуры: 2.1.11. Москва, 2023. 369 с.
3. Борисов С.В. Система ограничений в церковном зодчестве: из опыта проектирования московских храмовых комплексов // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. №4(57). С. 245-268. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/15_borisov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-4-245-268

4. Макаров А.И. Первый среди равных. К столетию возведения в Российской Империи первого типового воинского храма / А.И. Макаров, А.В. Рагулина // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. №4(61). С. 140–147. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/09_makarov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4- 140-147
5. Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский. Москва: Искусство, 1988. 255 с.
6. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / Пермиловская Анна Борисовна. Ярославль, 2011. 52 с.
7. Архитектура русского православного храма / Н.Е. Антонова и др.; под общ. ред. А.С. Щенкова; Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства. Москва: Памятники ист. мысли, 2013. 523 с. ISBN 978-5-88451-320-4
8. Федоров А.Н. (архимандрит Александр). Основные тенденции формирования архитектурно-художественной системы традиционного христианского храма: автореферат дис. ... доктора искусствоведения: 17.00.04. Санкт-Петербург, 2022. 51 с.
9. Бондаренко И.А. Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы / Российская акад. архитектуры и строительных наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства, Московский архитектурный ин-т. 2-е изд., доп. Москва: URSS, 2009. 186 с. ISBN 978-5-397-00293-6
10. Сукина Л.Б. Русское религиозное сознание второй половины XVI-XVII века: комплексное источниковедческое исследование: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02, 07.00.09. Москва, 2013. 37 с.

References

1. Petrov-Spiridonov N.A. *E`volyciya arxitekturnoj tipologii xramov Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v nachale XX - nachale XXI vekov (avtoref. kand. dis.)* [The evolution of the architectural typology of the temples of the Russian Orthodox Church in the early XX-early XXI centuries (Cand. Dis. Thesis)]. Moscow, 2023, 28 p.
2. Petrov-Spiridonov, N. A. *E`volyciya arxitekturnoj tipologii xramov Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v nachale XX - nachale XXI vekov (kand. dis.)* [The evolution of the architectural typology of the temples of the Russian Orthodox Church in the early XX - early XXI centuries (Cand. Dis)]. Moscow, 2023, 369 p.
3. Borisov S.V. The system of restrictions in church architecture: from the experience of designing Moscow temple complexes. Architecture and Modern Information Technologies, 2021, no. 4(57), pp. 245–268. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/15_borisov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2021-4-245-268
4. Makarov A., Ragulina A. First among equals. To the centenary of the construction of the first typical military temple in the Russian Empire. Architecture and Modern Information Technologies, 2022, no. 4(61). pp. 140–147. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2022/4kvart22/PDF/09_makarov.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-140-147

5. Brunov N.I. *Xram Vasiliya Blazhennogo v Moskve. Pokrovskij sobor* [St. Basil's Cathedral in Moscow. Pokrovsky Cathedral]. Moscow, 1988, 255 p.
6. Permilovskaya A.B. *Kul'turny`e smy`sly` narodnoj arxitektury` Russkogo Severa (avtoref. doc. dis.)* [Cultural meanings of the folk architecture of the Russian North (Doc. Dis. Thesis)]. Yaroslavl, 2011, 52 p.
7. Antonova N.E. and other. *Arxitektura russkogo pravoslavnogo xrama* [Architecture of the Russian Orthodox Church. Ed. A.S. Shhenkov]. Moscow, 2013, 523 p. ISBN 978-5-88451-320-4
8. Fedorov A.N. (arximandrit Aleksandr). *Osnovny`e tendencii formirovaniya arxitekturno-xudozhestvennoj sistemy` tradicionnogo xristianskogo xrama (avtoref. doc. iskusstvovedeniya)* [The main trends in the formation of the architectural and artistic system of a traditional Christian church (Doc. Dis. Thesis)]. Sankt-Peterburg, 2022, 51 p.
9. Bondarenko I.A. *Drevnerusskoe gradostroitel`stvo: tradicii i idealy`* [Ancient Russian Urban planning: traditions and ideals]. Moscow, 2009, 186 p. ISBN 978-5-397-00293-6
10. Sukina L.B. *Russkoe religioznoe soznanie vtoroj poloviny` XVI-XVII veka: kompleksnoe istochnikovedcheskoe issledovanie (avtoref. doc. istoricheskikh nauk)* [Russian religious consciousness of the second half of the XVI - XVII century: a comprehensive source study (Doc. Dis. Thesis)]. Moscow, 2013, 37 p.

ОБ АВТОРЕ

Петров-Спиридонов Николай Александрович

Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Храмовое зодчество», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

nicnord@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Petrov-Spiridonov Nickolai A.

PhD in Architecture, Professor of the Department of Temple Architecture, Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

nicnord@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 10.09.2024.